
АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Эдуард Георгиевский
(г. Тула)

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В этом году члену Союза писателей России, поэту и прозаику Георгиевскому Эдуарду Павловичу исполнилось 75 лет. Он автор 6 книг поэзии и прозы, среди которых повесть «Акулина» и сборник стихов «Страна Солотча» вызвали огромный отклик читателей. Песни на его стихи можно услышать в Белоусовском парке; исполнялись они как в областной филармонии, так и в Центральном доме композиторов (Москва). Песни и стихи Эдуарда Георгиевского звучали по Тульскому радио в программе «Гость в студии», а тележурналист Тульского телевидения Галина Цой, в телепередаче «Встречи», подготовила и показала сюжет, посвященный жизни и творчеству Эдуарда Павловича.

За большой вклад в дело сохранения и развития тульской культуры и литературы Эдуард Георгиевский награжден многочисленными почетными грамотами писательской организации, управления культуры города, благодарственным письмом Тульской областной Думы. Он лауреат юбилейной медали «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля». Является основателем проекта «На крыльях «Пегаса», его главным редактором и составителем. Эдуард Георгиевский в течение 35 лет работал в Тульской областной больнице, является заслуженным врачом РФ. О проблемах современной литературы, о значении в тульской литературной жизни литературно-художественного альманаха «На крыльях «Пегаса» и о творческих планах писателя мы и беседуем с юбиляром.

— Эдуард Павлович, во-первых, разрешите поздравить Вас с юбилеем и пожелать Вам крепкого здоровья, семейного благополучия и творческих успехов. Скажите, пожалуйста, как и когда врач Георгиевский решил стать писателем?

— Я, наверное, так природой сконструирован, что мне всегда было интересно заглянуть вовнутрь человека — его тело и душу. На врача я учился в первом московском медицинском институте, а на писателя не учился нигде. Это как-то проявилось само по себе, но, откровенно скажу, в довольно зрелом возрасте. Правда, где-то в классе 7—8-м я написал небольшую повесть о шпионах. А через 2—3 месяца она мне не понравилась, и я сжег ее в печке. Были какие-то спонтанные поползновения в студенческие годы, но окончательно меня потянуло к перу и бумаге в 1990 году. С тех

пор я занимаюсь эпистолярным жанром. У меня в разных издательствах вышли в свет шесть сборников стихов и прозы. Вышел сборник песен на мои стихи с нотами, написанных калужским композитором Валентиной Дроцевич, тульскими авторами — Изольдой Агибаловой и Татьяной Мишурой. Вышел диск с тринадцатью песнями на мои стихи. Судя по отзывам читателей, мне кажется, что мое творчество востребовано.

— Вересаев, Чехов, Булгаков, Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и многие другие были врачами и писателями. Скажите, а что же на Ваш взгляд труднее врачевать тело человеческое или душу?

— На мой взгляд, учитывая многолетний врачебный опыт, в настоящее время лечить тело, с учетом достижений современной медицинской техники, стало легче. Для примера скажу, что совсем недавно одним из грозных диагнозов был «инфаркт миокарда». Смертность от него была высокой. А сейчас люди могут перенести два и даже три инфаркта и остаться живыми. А вот с врачеванием души труднее. Единственное оружие для врачевания души — слово. Вспомните: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». В наше время слова льются как из рога изобилия. Радио, телевидение, Интернет, прилабочное чтиво, устное и печатное слово, наконец, выбор жизненных приоритетов, — все это создает трудности для врачевания души. Понятие «душа» — категория морально-нравственная. Это — точка приложения врачующего. Государство не уделяет этому должного внимания. Единственные борцы за сохранение духовности — церковь и честные писатели.

— К сожалению, сегодня духовно честные писатели не в чести, да и сама отечественная литература из серьезного просветительского дела превратилась в развлечения, или как Вы ее только что назвали: «прилабочное чтиво». Почему, на Ваш взгляд, сегодня, в эпоху гласности, когда писателю можно говорить обо всем, что его волнует, о чем болит его душа, не рождаются литературные шедевры, способные позитивно воздействовать на наше общество? Почему нет новых Достоевских, Шолоховых, Распутиных?

— Какое время, такие и песни. В свое время мы строили социализм, затем — коммунизм, — светлое будущее нашей страны. В это время появился Павлик Корчагин Николая Островского, герои Михаила Шолохова и так далее. Несколько десятков лет мы чего-то строили, а потом решили, что надо жить так, как на «загнивающем» Западе. И строим мы сейчас не что иное, как общество потребления. Поменялись приоритеты. Главная цель — богатство любой ценой. О какой духовности мы говорим, если на каждом шагу слышится шелест купюр. Есть много денег — ты человек. Вот и зарабатывают себе на жизнь разные писатели, в том числе и талантливые. Но им почему-то не везет. Везет тем, кто выпускает по десять — двенадцать книг в год. Вот такие сейчас на слуху. Мое глубокое убеждение, что недалеко то время, когда люди будут страдать от накопленного богатства. Быть богатым станет не модным. И тогда на первое место опять выйдет духовное развитие личности. Сейчас духовность отеснена. Думаю: временно. Она опять восторжествует. Вот тогда и появятся новые отечественные гиганты мысли и слова.

— Вы поэт и прозаик. Автор многих стихов и песен, а также автор рассказов и повестей. Скажите, что писать труднее: стихи или прозу?

— Не берусь судить за всех, но, на мой взгляд, писать либо одни стихи, либо одну прозу, но писать хорошо, всегда трудно. Вспомните того же Маяковского, который «единого слова ради» изводил «тысячи тонн словесной руды». Но однако считаю, что тот, кто хорошо пишет стихи, у того и проза получается под стать стихам. Если в хороших стихах звучит музыка, то к такому тексту легко подбирается мелодия. О таких стихах говорят, что они музыкальные. Если проза написана хорошо, то в

ней звучит музыка, и такой текст читается легко, на одном дыхании. О такой прозе говорят, что произведение написано легким слогом. Легко только тем, кто не умеет работать над текстом. Написал, скажем, стихотворение. Получилось более-менее складно, да еще и в рифму, и на этом остановился, считая, что раз написано, значит, так оно и должно быть. Я думаю, что надо себя обязательно «истязать», чтобы получить хороший «продукт».

— *А кроме истязания, что еще главное для писателя, что может послужить той основной составляющей, тем тестом или закваской, которая и станет тем основным ингредиентом, без которого хорошего литературного продукта просто-напросто не получится?*

— Самое главное для писателя — не отрываться от жизни, не замыкаться в себе. Мне непонятны те авторы, которые с гордостью говорят, что они пишут для себя. А где же читатель? Для него и пишем, но пишем правдиво, честно и обязательно в художественной форме! А еще, не менее важным, считаю трудолюбие и творческий рост. Без этих качеств писатель может не состояться.

— *Ваши рассказы и повести в какой-то мере автобиографичны?*

— В какой-то мере да. Это относится и к рассказам «Сосновый бор», «Аргонавты». В полной мере автобиографична повесть «Своя стезя». А вот повесть «Акулина» была написана со слов моей тети Ершовой Любове Ивановны.

— *Эдуард Павлович, Вы главный редактор и составитель литературно-художественного альманаха «На крыльях «Пегаса» и заместитель руководителя литературного объединения «Пегас». Расскажите, пожалуйста, как и когда пришла идея создать литературный альманах, с какими трудностями сталкивались при его создании, что Вы ожидали от альманаха, и оправдались ли Ваши надежды? Сколько в нем печатается авторов, и много ли среди них молодежи?*

— Я являюсь членом литературного объединения «Пегас» с 1990 года. Нас тогда по списку было много, но каждый раз приходило восемь — десять любителей поэзии и прозы. Кто-то уходил, приходили новые люди. В то время я не помышлял ни о каком коллективном сборнике. В 2003 году мне случайно попал в руки тоненький коллективный сборник одного из районных литературных объединений. Я стал размышлять. Раз наше объединение областного значения, то негоже быть без своего сборника. Сделал анализ. Оказалось, что за последние примерно пятьдесят лет никакого сборника литературное объединение не имело. Вот я и загорелся идеей создать коллективный сборник. Два года ушло на бесполезные поиски спонсора. Все говорили, что понимают меня, но помочь ничем не могут. Я вспомнил свои студенческие годы. Тогда была популярной фраза: «Сам себе не сделаешь праздник — никто тебе его не сделает». Я решился на отчаянный шаг. Пошел в сберкасса и снял с книжки двадцать пять тысяч рублей. Оставил на всякий случай только пятьсот рублей. Так в 2005 году вышел в свет коллективный сборник тульского областного литературного объединения «Пегас» под названием «На крыльях «Пегаса». Многим мой поступок мог показаться безрассудным: мол зачем, что тебе — больше всех надо? Многие так рассуждают, хотят, чтобы кто-то другой за них сделал. Я спрашиваю себя: «Что такое подвижничество? Кто они, подвижники?» По логике вещей выходило, что это люди, которые «подвигли», то есть «сдвинули» с мертвой точки нужное дело. По прошествии времени я несколько не жалею о своем поступке. Мало того, сейчас есть возможность нашим членам реализоваться через коллективный сборник. Но вот что удивительно и приятно! С выходом альманаха значительно прибавилось новых членов объединения и вот уже который год подряд (мы выпустили уже девять номеров — по одному в год) число приходящих на занятия меньше двадцати не бывает, в среднем двадцать пять человек. Мои надежды оправдались. К нам пришло много талантливых

литераторов. В нашем альманахе печатают свои произведения не только литераторы из Тулы, но и из районов области. В предисловии к юбилейному, пятому номеру альманаха руководитель тульской писательской организации Виктор Федорович Пахомов выразил уверенность в том, что «недалеко то время, когда печататься в альманахе будет престижным». А такие известные поэты и прозаики, как Валерий Савостьянов и Валерий Маслов, стали постоянными соавторами нашего альманаха. Изъявил желание представить свои стихи в альманахе известный тульский поэт Валерий Ходулин. Но мы пошли дальше. В основном альманахе был раздел «Детская страничка», со временем ему стало тесно, и он преобразовался в самостоятельный детский сборник под названием «Пегасик» (стихи, рассказы для детей и их родителей) как приложение к основному альманаху. Выпущено уже два номера, сейчас готовится третий номер. Выход каждого номера альманаха — это всегда событие в литературной жизни города и области. Кстати говоря, наш альманах можно найти в Германии, Израиле и даже на атомном подводном крейсере «Новомосковск». Одним словом, наш альманах стал востребованным. Количество авторов давно перевалило за цифру сорок пять. Так в восьмом номере было напечатано пятьдесят два автора. Среди них молодые литераторы, например, Наталья Кожемяко из города Щекино и начинающий поэт Галина Макарова из Тулы. В нашем регионе действуют еще восемь литературных объединений, но самое большое количество молодых авторов в литобъединении «Муза». В нашем же объединении в основном люди от тридцати до восьмидесяти лет.

— *Возможно, мой вопрос покажется Вам бестактным, и многие писатели не любят на него отвечать, но, тем не менее, я спрошу: расскажите, пожалуйста, о Ваших творческих планах?*

— Секретов нет. У меня имеется план на каждый год. В 2012 году выпущу две книги — повесть и рассказы. Причем повесть выйдет первой книгой, а вторая книга повести выйдет в 2013 году. В плане также — альбом «От сердца к сердцу — 2» (пятнадцать песен на мои стихи с нотами), а также выпуск второго диска песен.

— *Что бы Вы пожелали поклонникам Вашего таланта, авторам литературно-художественного альманаха «На крыльях «Пегаса», а также всем жителям города Тулы?*

— Я желаю всем доброго здоровья, трудолюбия и упорства в выбранном деле, а всем жителям города-героя Тулы пожелаю любви к родному городу. Такого второго города нигде нет!

*Беседовал Геннадий Маркин;
фото из личного архива юбиляра*

Павел Басинский
(г. Москва)

СЕГОДНЯ СЕРЬЕЗНОМУ ПИСАТЕЛЮ ОЧЕНЬ ТРУДНО ВЫЙТИ К ЧИТАТЕЛЮ

Российский литературовед и литературный критик. Автор книг: «Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти», «Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина», «Лев Толстой: Бегство из рая» и других. Лауреат Национальной литературной премии «Большая книга».

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, защитил кандидатскую диссертацию по теме «Горький и Ницше». С 1981 года печатается как критик в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Наши современники». Академик Академии русской современной словесности. Редактор отдела культуры «Российской газеты».

Член Союза Российских писателей.

О жизни и творчестве Льва Николаевича Толстого, о ЕГЭ и школьной реформе, и, конечно же, о современной отечественной литературе побеседовал с именитым писателем ответственный секретарь нашего журнала Геннадий Маркин

— Павел Валерьевич, Ваша книга «Лев Толстой: Бегство из рая» вызвала огромный интерес у исследователей жизни и творчества Льва Толстого, а также среди литературной общественности, а вы, как автор, стали лауреатом Национальной литературной премии «Большая книга». Казалось бы, что можно нового рассказать о Толстом? Наверное, уже изучен каждый его шаг, каждый жест. За последние столетия проанализирован каждый его жизненный день, исследован чуть ли не каждый час, и вдруг — новая книга о Толстом. Скажите, пожалуйста, как пришла идея написания книги, и что Вы хотели нового, неисследованного ранее, донести до читателя?

— О Толстом, действительно, написано очень много — сотни книг. Но как это ни странно про уход Толстого, а это последнее и главное событие в его жизни, написано не так уж и много. В России об уходе Толстого была написана всего одна книга, она так и называлась «Уход Толстого», и ее выход был приурочен к пятидесятилетию ухода Льва Николаевича. Эта книга была добротной и хорошей, но это была советская книга, и естественно, тогда много нельзя было говорить, и в книге чувствовались цензурные условия. И собственно все. Больше книг об уходе Толстого не было, хотя, на мой взгляд, про уход Толстого в России должно выйти сто книг, мы же должны осмыслить это событие. Толстой — это наш национальный гений, и мы должны до конца осмыслить этот странный поступок в конце его жизни. А о написании книги «Толстой: бегство из рая» я задумался еще два года тому назад и хотел приурочить эту книгу к столетнему уходу Льва Николаевича. Задумался потому, что меня это его

жизненное обстоятельство всегда волновало. Я часто приезжаю в Ясную Поляну, я очень люблю это место и приезжая всегда задавался вопросом: почему Лев Николаевич похоронен на краю оврага, а вся его семья лежит на замечательном кочаковском кладбище под крестами. Там же на кочаковском кладбище имеется склеп, где похоронена его мать, похоронен его отец, похоронен его брат Дмитрий. Наконец, на том кладбище похоронена Софья Андреевна и их с Львом Николаевичем дети. А почему же он похоронен в другом месте? Многие туристы, посещая могилу Толстого восхищаются: «Ах, какое прекрасное место! Ах, как прекрасен здесь лес! Ах, как прекрасна здесь тишина!». Я никогда не считал и не считаю прекрасным то, что великий писатель похоронен в каком-то лесу, на краю какого-то оврага. Я всегда считал, что это проблема, и связана она с уходом Толстого, и я решил в этой истории разобраться. Я начал целенаправленно заниматься уходом Толстого и писать эту книгу. Первоначально я планировал написать в книге десять глав, в которых рассказать о десяти последних днях его жизни. Каждая глава — это один прожитый Толстым день. Но, работая над книгой, я понял, что ничего невозможно объяснить, если не уходить в биографию Толстого начиная с его детства, с его рождения. И тогда эта книга как-то так странно выстроилась, что в ней каждая глава начинается с хроники ухода, а потом идет биография Льва Николаевича, которая, как мне кажется, только и может объяснить, почему это произошло.

— *Адам и Ева из Божьего рая были изгнаны за совершение греха, а Лев Толстой из своего яснополянского рая сбежал сам. Как Вы считаете, кем же на самом деле был Лев Николаевич: великим грешником, не сумевшим дальше находиться в раю, или святым, увидевшим, что его рай для него превратился в ад?*

— Лев Николаевич, конечно, святым не был. Да он и не считал себя святым, он считал себя очень грешным человеком. В своих дневниках он все время кается, все время себя казнит. И не только в дневниках, но и в творчестве. В повести «Дьявол» Толстой описал свою связь с яснополянской крестьянкой Аксиной Базыкиной, которая родила от него сына, но эта связь была у него до женитьбы на Софье Андреевне, что, в принципе своем, было с точки зрения бар того времени, аристократов того времени, делом нормальным. Кстати говоря, у отца Толстого, Николая Ильича, тоже был незаконнорожденный сын, и они, его дети, знали о нем, видели его, общались с ним. Повторюсь, это было обычным делом. Но Лев Николаевич себя невероятно казнил за это. Он был немного другим человеком. Он был не просто нравственным, он был супернравственным. Он себя казнил за каждое свое прегрешение, которых у него на самом деле было не очень-то и много. Иногда, разговаривая с людьми культурными, которые в разговорах говорят: «Ну конечно, Лев Николаевич жил с Софьей Андреевной, а у него там и крестьянки были, и куча внебрачных детей бегала». Это чушь полнейшая. Лев Николаевич ни разу не изменил своей жене, а прожил он с ней пятьдесят лет. Измена с его точки зрения была невозможна. Он не был святым, но он был человеком очень нравственным. Больше того, вся система его жизни для него была важна не тем, о чем он пишет, а как он подает себя. Чтобы понять Толстого, нужно читать его дневник, а не «Войну и мир» или «Анну Каренину». Эти романы — ранние его вещи. Они написаны до его духовного переворота, который с ним случился в начале восьмидесятых годов. С этого времени начинается совершенно другой Толстой, и главным его произведением становится дневник, где он отслеживает каждый свой поступок, каждый свой помысел, каждое свое душевное движение. Потому, что он хочет создать из себя того человека, который может прийти к Богу чистым. Это удивительная вещь — он хочет прийти к Богу чистым. Но это трудно. Потому что семья, дети, проблема с гонорарами, от которых он отказался, но Софья Андреевна не может отказаться, Ясная Поляна, мужики, которые на них работают. Он все время

ощущает, что он греховен, а он хочет прийти к Богу чистым. Чистым, как он родился, таким, каким он от него ушел. В 1902 году Толстой заболел и с Софьей Андреевной приехал в Крым на дачу графини Паниной. Они считали, что Крым поможет Льву Николаевичу, но в Крыму ему стало еще хуже. Он переболел воспалением легких и брюшным тифом. В его возрасте это было смертельно, и он фактически умирал. В этот момент Софья Андреевна спрашивала у него: «Левочка, может быть, ты все-таки примиришься с церковью?», на что он ей ответил: «Ты пойми, я от Бога пришел и к Богу пойду. От отца пришел, к отцу и возвращусь. Мне не нужна церковь». Толстой считал, раз его в этот мир Бог пустил чистым, значит, чистым он к нему должен и вернуться. И он этим занимался всю свою вторую половину жизни. Он себя строил, он себя создавал для встречи с Богом. Мы этого немного не понимаем. Мы привыкли видеть Толстого, который написал «Войну и мир» или «Анну Каренину». Но этот Толстой — писатель. А был еще и другой Толстой, — человек, который всю жизнь непрерывно готовил себя к встрече с Богом.

— *Прошла уже вечность с момента ухода Льва Толстого из Ясной, но до сих пор идут споры о том, куда собирался бежать Толстой. В своей книге Вы ссылаетесь на воспоминания Маковицкого, Александры Львовны и на самого Толстого в его письме к Черткову, которые высказывались о крымском или кавказском направлении. Но ведь газета «Русское слово» за № 83 от 10 апреля 1912 года приводит слова сестры Толстого монахини Марии Николаевны, в которых она рассказывает о том, что уезжающие от нее Толстой, Маковицкий и Александра Львовна со своей подругой, сказали, что они едут к духоборам. Да и билет они взяли до Ростова, где в те времена, так же, как и на Кавказе, имелись общины духоборов. Выходит дело, зря «копья ломались» по этому вопросу, и место бегства Толстого не более чем «секрет полишинеля»?*

— Место бегства Толстого — это секрет. Непонятно, куда он ехал. На мой взгляд, он сам не знал, куда ехал. По-моему мнению, он хотел найти себе место для уединения. В принципе, Льву Николаевичу нужно было стать монахом. По его настроению, по его отношению к миру, который он в конце жизни уже не любил, он хотел от него уйти. И не важно, в каком монастыре он жил бы — в Буддийском или каком другом. И ведь не случайно, что он поехал именно в Оптину. Почему-то, все думают, что он поехал в Оптину каяться. Нет, он не каяться туда поехал, он поехал туда, потому что старцы Оптиные жили той жизнью, которой он хотел бы жить. Далеко от мира, один в размышлениях, в разговоре с Богом. Но в Оптиной встретиться со старцами ему не удалось, и тогда он поехал к сестре в Шамордино, где ему очень нравилось быть. Все монахини Шамординского монастыря, включая настоятельницу игуменью, обожали Льва Николаевича, несмотря на то, что он был отлучен. В селе рядом с Шамордино Толстой договорился с вдовой крестьянкой, чтобы снять у нее дом за три рубля в месяц, тогда это были деньги большие. Он хотел жить далеко от людей, на отшибе, размышлять и готовиться к встрече с Богом. Но не получилось, потому что приехала Александра Львовна и сказала, что приедет Софья Андреевна. Это напугало Толстого, он не хотел встречи с ней, потому что очень сильно против нее погрешил. Он написал завещание, в котором она никак не фигурировала. И это было жестоко по отношению к жене, и он это понимал. Это произошло, потому что в деле написания завещания участвовал Чертков, участвовала его младшая дочь Александра Львовна. Первое желание Толстого было сбежать за границу, в Болгарию. Он думал, что за границей его не будут доставать, к нему не будут приходить журналисты. Но он не понимал, что в Болгарии количество его поклонников насчитывалось сотнями, и там уже есть толстовцы. Несомненно, по приезду в Болгарию, его окружили бы сторонники, создали бы вокруг него отдельный монастырь, и достали бы его не мень-

ше, чем в России. Это было безрассудным бегством. Он бежал от самого себя, он бежал от своей славы, он хотел жить совсем обычно, но это было уже невозможно.

— *Вы коснулись личности Черткова. Известно, что Софья Андреевна его не любила, а незадолго до начала Первой мировой войны и Александра Львовна разорвала свои отношения с Чертковым, распознав в нем, как пишет в своей статье «Путь тернистый и мужественный» С. Розанов, много вероломного и эгоистического. Если бы на тот момент был жив Лев Николаевич, чью бы сторону он занял? Как Вы считаете?*

— У меня очень сложное отношение к Черткову. О том, что он был человеком очень неприятным, отмечали все, кто с ним общался. Чертков вначале умел обаять человека, но затем все, кто с ним общался, от него отшатывались. Он умер уже при советской власти в тридцатые годы в полном одиночестве. Александра Львовна, которая была невероятной его поклонницей, находилась под его влиянием даже больше, чем под влиянием своего отца, тоже от него отшатнулась. Булгаков, последний секретарь Толстого, который был Чертковым просто заслан в дом Толстого, тоже порвал с ним все отношения. Гусев, написавший материалы к биографии Толстого, которые и являются на сегодняшний день реальной биографией Толстого, умерший при советской власти в пятидесятых годах, тоже еще при жизни Черткова отшатнулся от него. Но когда начинают ругать Черткова, я всегда останавливаю тех людей и задаю вопрос: хорошо, возможно, он был плохим человеком, он поссорил Льва Николаевича с Софьей Андреевной, хотя Лев Николаевич и сам в большей степени рассорился с женой, а Чертков только вклинился туда. Но есть один факт — это Академический девяностотомник Толстого, который является детищем Черткова. Вы поймите, эти девяносто томов издавались в двадцатых и тридцатых годах, и затем после войны, когда Черткова уже не было. Если Вы возьмете тома, которые выходили после войны, и тома, которые выходили при Черткове — это разные книги. В последних — колоссальный комментарий, огромный справочный аппарат. Пробыть это в двадцатых годах, когда у СССР были огромные проблемы — только закончилась гражданская война, брезжила следующая война, страна была голодная, страна была разрушена, — было тяжело, но Чертков пробил эти тома. Пробил благодаря своим связям, благодаря своему знакомству с Бонч-Бруевичем, выходом чуть ли не на Ленина. И у нас нет другого академического собрания ни у одного нашего классика: ни у Пушкина, ни у Гоголя, ни у Достоевского по-настоящему. Чертков был, конечно, несчастным человеком, он себя полностью положил к стопам Льва Николаевича, а ведь многие не знают о том, что Чертков был князем. Его мать была княгиней. Она была подругой двух царей — Александра Второго и Александра Третьего. Они к ней в дом приезжали просто, что называется, — без охраны. Чертков мог быть очень богатым человеком. Когда умирал его отец, а он был генерал-адъютантом при Александре Втором и был очень богат — его воронежское имение с тысячами крепостных было просто несопоставимо с Ясной Поляной — и Чертков это все мог получить, потому что был единственным сыном. Двое его братьев умерли, но отец, зная, что он связался с Толстым, ничего ему не дал, а все отдал своей жене; и мать Черткова пересылала сыну, которого она обожала, 40 тысяч рублей в год. Это были очень большие деньги. Но Чертков ради Толстого от всего отказался. Представьте себе ситуацию: после духовного переворота Толстого, когда он стал писать эти свои странные религиозные сочинения, которые не принимались ни кем, — Тургенев говорил, что это чушь, Фет говорил, что это бред, ближайший друг Толстого, Страхов, говорил, что ему это все не нравится. И был момент, когда Толстого просто хотели объявить сумасшедшим, как Чаадаева. И вдруг приходит к Толстому князь и говорит: «Лев Николаевич, я с Вами. Я все Вам отдаю, я отдаю Вам свою жизнь». И он отдал ему свою

жизнь. Поэтому к Черткову нужно относиться более тонко, нельзя его осуждать, этот человек сделал очень много. Государственный музей Толстого в Москве, рукописи Толстого, которые хранятся в негорючих шкафах — это дело Черткова. Он эти рукописи собирал и собрал их в одном месте, и доказал, что их нужно хранить. Так что у меня очень сложное отношение к Черткову. По-человечески он мне не нравится, но для Толстого он сделал много. Давайте все-таки это ценить и уважать.

— *Павел Валерьевич, в 1900 году Лев Николаевич Толстой говорил: «Литературу поглотили газеты. Но и газеты, и журналы перестали быть литературным делом, а сделались азартной игрой. Вопрос уже не в том: как издавать? Чему служить? Что проповедовать? А в том, как выиграть приз, обогатиться». Прошло свыше ста лет, и мы вновь наблюдаем, как литературу вытесняют газеты, журналы и телевидение. Как вернуть родное, доброе литературное слово, чтобы оно вновь стало укрепляющим средством духовного здоровья нации?*

— Я никогда не буду ругать газеты, потому что я всю жизнь живу в газете. Первый раз, когда еще жил в Волгограде и был учеником восьмого класса, публиковался в Волгоградской комсомольской газете «Молодая гвардия». Затем, уже в зрелом возрасте я работал в «Литературной газете», а сейчас — в «Российской газете». На мой взгляд, газеты ругать не надо. Да, Лев Николаевич поругивал газеты, но взгляните на всех его современников, живших в девятнадцатом, начале двадцатого веков: Чехов, Бунин, Горький, Куприн, Леонид Андреев, — они все начинали с газет. Они все вначале шли в газету, потому что там платили гонорары, там можно было печатать статьи. Кстати, величайшее произведение Чехова «Драма на охоте» впервые было напечатано в «желтой» газете «Новости дня». Ее там печатали фрагментами, и Чехов даже не получил гонорары за публикацию в газете не было денег, но они ему выдали новые штаны, а Чехов в то время нуждался в новых штанах, ему тогда было двадцать четыре года. Лев Николаевич Толстой мог, конечно, позволить себе поругивать газеты, потому что был небожителем. Он был Зевс русской литературы, но интересная вещь, если вы посмотрите третий роман Толстого «Воскресенье», то увидите, что этот роман написан короткими главами. Два предыдущих романа: «Война и мир» и «Анна Каренина» написаны длинными главами, а роман — «Воскресенье» очень короткими. Почему так произошло? Потому что роман «Воскресенье» был изначально запродан Марксу. Не в газету, но в еженедельный журнал «Нива». Это был самый массовый, самый популярный журнал конца девятнадцатого века. И Толстой понимал, что он пишет в еженедельный журнал, где его роман будут печатать кусками, маленькими фрагментами. И он написал так. То есть, Лев Николаевич, с одной стороны, ругал газеты, ругал прессу, а с другой — очень к ним присматривался. Толстой иногда говорил одно, а поступал по-другому. Но это не было лукавством, это была просто такая старческая мудрость. Толстой, кстати говоря, хотел работать для кинематографа, он уже знал, что возник кинематограф, который имел огромное влияние на массы. Это потом уже Ленин скажет, что кино наше главнейшее из искусств, а Толстой это чувствовал еще раньше, он предвидел, что кинематограф очень сильно подвинет литературу, а потому хотел для кинематографа работать, но не получилось.

— *Бытует мнение, что писатели перестали быть инженерами человеческих душ, пишут в лучшем случае для своего писательского сообщества, не вызывая своими произведениями интереса среди широкой общественности. Скажите, пожалуйста, это связано с тем, что обмельчал русский писатель, или народу сегодня не до чтения? Кто сегодня больше нуждается друг в друге: читатель в писателе, или писатель в читателе?*

— Слова о том, что писатели являются инженерами человеческих душ, принадлежат Горькому. Алексей Максимович эту фразу произнес. Конечно же, писатель

никакой не инженер человеческих душ. Мне кажется, что сегодня у писателей проблемы немного другие. Есть писатели очень успешные, которые издаются миллионными тиражами, вроде Акунина, Марининой, которые пишут жанровые вещи. Они знают, то, что они пишут — это нужно, это будут читать. Любовные романы, детективные романы,— все это будут читать. А серьезные писатели думают, что читатель должен прибежать к ним и воскликнуть: «Ах, какой ты умный! Какой ты гениальный! Какой ты интересный!». А вот этого-то как раз сейчас нет, потому что сегодня серьезному писателю очень трудно выйти к читателю, очень трудно доказать, что он ему нужен, чтобы он захотел его читать. Серьезные писатели о читателях не думают, а они должны о них думать. Писатель должен работать на читателя. К сожалению, сегодня серьезные писатели этого не понимают. Они думают, что читатели должны понять то, о чем они пишут. Нет, наоборот, это писатель должен понять того человека, который будет его читать, должен понять его сегодняшние проблемы и для него писать, и для него работать. Так же как работает архитектор, так же как работает строитель. Архитектор и строитель не должны говорить человеку, что они ему строят дом такой-то или такой-то. Они должны построить такой дом, который нужен этому человеку, потому что ему в нем жить. Так и у писателей. И это, к сожалению, современный русский писатель не совсем понимает. Ему сегодня как никогда нужно думать о читателе, нужно знать, что хочет читатель, и от этого уже писать, от этого работать.

— *К сожалению, сегодня часто сталкиваешься с писателями, пишущими какую-нибудь порнуху или чернуху, нередко сопровождая свои тексты матерными выражениями. Как Вы, литературный критик, считаете, нужно ли бороться с литературным бескультурьем, или пусть все останется так как есть?*

— У меня жесткий взгляд на этот вопрос, я бы мат запретил, потому что мат — это лексика запретная. Сейчас мат звучит сплошь и рядом: и на телевидении, и в кино, и в романах современных писателей. Проходит везде абсолютно свободно. Но если на телевидении звучит шипение или писк, заглушающий мат, и мы только догадываемся, что человек матерится, то в романах он звучит открыто. Я против этого и считаю, что мат необходимо запретить. Точно так же, как у нас запрещено хулиганство. Я бы издал федеральный закон, запрещающий мат в публикациях, в кино, на телевидении и на радио. Человек, который работает для общества, будь то писатель или режиссер, должен понимать, что он что-то не может, ему что-то нельзя. Сегодня у нас, после советских времен, сложилось такое понятие, что нельзя запрещать. Но это понятие ошибочно. Запрещать можно, нужно и очень многое. Любое государство, любое общество, если оно цивилизованное, и состоит из запретов. Цивилизация — это система запретов. Если нет запретов, если всем все можно, например, бегать по полям и друг с другом совокупляться на глазах у всех, то это уже не цивилизация, это уже первобытная жизнь. Система запретов не должна оскорблять людей, не должна их душировать, но сама система запретов должна быть.

— *Кстати, с 1 сентября вступил в силу закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Закон, конечно, нужный, возможно, он действительно защитит не только детей, но и сам русский язык?*

— Это как раз то, о чем я Вам говорил, о системе запретов. Эта система должна быть очень продумана, хорошо разработана законодателем. Эта система не должна быть грубой, она должна быть тонкой, умной и цивилизованной. Самое удивительное, что этот закон, о котором Вы говорите, был предложен два года тому назад, и все эти два года в него вносились поправки, смягчающие этот закон. И вдруг, когда его приняли в окончательном варианте, деятели культуры, которые словно проснулись, воскликнули: «Ах, как же так? Что же нам делать? Мы же теперь и «Анну Ка-

ренину» не сможем показать», потому что там происходят постельные сцены?» Так и хочется воскликнуть им в ответ: «Дорогие мои, а где же вы раньше-то были? Почему молчали? Почему не участвовали в разработке этого закона?». Но, тем не менее, они отчасти правы. Этот закон не очень удачен, с ним нужно было бы еще поработать. Например, как быть с сигаретами на экране? Ведь в фильмах шестидесятых годов почти все герои курят. Тогда это было модным. А теперь-то что делать? Фильмы не показывать? Не продумали, потому что мы вначале принимаем закон, а потом смотрим, как он работает. Мы вначале делаем школьную реформу, а потом смотрим, как эта реформа разрушает школьную систему.

— Вы затронули еще один очень сложный момент,— это школьная реформа. В отличие от закона о защите детей, против принятия в нашей стране Единого государственного экзамена выступили не только учителя и родители учащихся, но и деятели культуры. Хотелось бы услышать Ваше мнение по этому вопросу.

— Мне кажется, что ЕГЭ это плохо. Зря разрушили ту советскую систему обучения, которая существовала. Она, безусловно, была лучше сегодняшней системы. Посудите сами, сколько выпускников советских школ стали замечательными учеными, физиками или гуманитариями. Выпускники советских школ и сегодня востребованы не только у нас в стране, но и за границей. Мои два одноклассника, не буду называть их фамилии, замечательные физики с мировым именем, ведущие специалисты в своей отрасли сегодня работают за границей: один в Америке, а другой в Японии. Их там очень уважают и ценят за профессионализм, за те знания, которые они получили именно в советской школе. Значит, их учили неплохо, значит, система советского обучения и школьная программа были хорошими, а сами школы выполняли возложенные на них задачи. Возникает вопрос: зачем нужно было ломать готовую, сложившуюся, во всем мире значимую школьную систему обучения? Мне кажется школьная реформа — это ошибка, которая хуже преступления.

— Школьная реформа коснулась и преподавания уроков литературы. Как Вы считаете, что сегодня важнее и необходимее изучать детям в школах «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына или, например, произведения Аркадия Гайдара?

— Что касается школьных уроков литературы, мне говорить трудно, я не учитель. Когда я учился в Волгоградской школе, у нас директором школы был Борис Вениаминович Бриккер, он вел уроки литературы, поставил мне методологию понимания литературы. Он был прекрасным учителем и хорошим директором. На мой взгляд, в школе можно преподавать и Гайдара, и Солженицына, а можно кого-то из них одного, но преподавать так, чтобы ученик знал и о том другом писателе, которого нет в учебниках. Но такое может сделать только настоящий учитель литературы, преподаватель, любящий свое дело. Нет такого-то автора в учебнике, но ученик все равно о нем будет знать благодаря мастерству учителя. Все зависит от учителя, как он сможет рассказать ученикам о литературе, о писателях, как он сможет донести знания до ученика.

— Павел Валерьевич, раз мы с Вами коснулись такой личности, как Солженицын, хотелось бы спросить Вас, как члена жюри премии, названной его именем, и литературного критика, хорошо изучившего творчество этого писателя, вот о чем. Польская писательница Кристина Живульская в своей книге «Я пережила Освенцим» показывает лагерных надзирателей разносторонне и объективно, а рассказывает о них беззлобно. Читая «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, я чувствовал озлобленность автора на надзирателей, на лагерное начальство, на власть в целом. Я Александра Исаевича по-человечески понимаю и представляю себе, что ему пришлось пережить в лагере! Но имеет ли право писатель, если он настоящий писатель и взялся за написание литературного произ-

ведения, ненавидеть своих литературных героев, можно ли раскрыть их образы, показывая читателю их однобоко?

— «Архипелаг ГУЛАГ» не нужно рассматривать как только роман и все. У нас к этому произведению неправильное отношение. Это же роман документальный. Он основан на рассказах свидетелей, на рассказах очевидцев. «Архипелаг ГУЛАГ» — это первая вещь Александра Исаевича, в которой он не задумывался о характерах. Ему очень важно было выкрикнуть то, что он видел, что пережил. Ему важно было сказать, что этот архипелаг был, были миллионы людей и эти люди были рабами. Сталинская система заключалась в том, что огромное количество людей работало бесплатно. Им не нужно было платить зарплату, им не нужно было строить дома, не нужно было заботиться о их семьях, потому что эти люди в заключении находились без своих семей. Они просто работали. И среди этих людей был и Солженицын, который просто рассказывал о том, что видел, не задумываясь ни о каких литературных принципах. Он говорил о миллионах рабов, говорил, чтобы его услышали. И ведь слышали же. Еще как слышали. Вот в чем заключалась его задача, когда он писал «Архипелаг ГУЛАГ», и он эту задачу выполнил. А дальше уже можно разбираться, что он написал не так с литературной точки зрения или с документальной — неточности в каких-то цифрах. Столько-то миллионов людей погибло в лагерях или меньше? Один миллион или два? Меня всегда удивляет и поражает этот спор, об этой солженицынской статистике! «Архипелаг ГУЛАГ» — это крик души! И вопрос не в том: хорошо ли он написан или плохо? Вопрос в том: принимаем мы его или нет? Могут ли люди работать как рабы или нет? Рабство — это нормально, это хорошо или плохо? Вот о чем нам всем сегодня нужно думать.

— *Спасибо Вам, Павел Валерьевич, за интервью, удачи Вам во всех житейских делах и творческих успехах.*

